

ISSN

2078-7626

№ 2 (13)

2011

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

*Сургутского
государственного
педагогического
университета*

ВЕСТНИК
СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

Основан в августе 2007 г.

№ 2 (13), 2011 г.

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-29393 от 24 августа 2007 г.

Учредители:
Сургутский государственный
педагогический университет

Техническая редакция,
верстка: С.М. Десяткова

Адрес редакции:
628417, ХМАО-Югра,
Тюменская обл., г. Сургут,
ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, каб. 217,
редакция журнала «Вестник СурГПУ»
e-mail: vestnik-surgpu@mail.ru

Сдано в печать 10.06.2011 г.
Формат 70x100/16
Гарнитура Arial
Усл. п.л. 12
Тираж 1000
Заказ № 39
Отпечатано в РИО СурГПУ

© Сургутский государственный
педагогический университет, 2011

ББК 63 Т
УДК 327.54

С.Н. МИРОШНИКОВ

S.N. MIROSHNIKOV

**«СДЕРЖИВАНИЕ»
VERSUS «ОСВОБОЖДЕНИЕ»:
АДМИНИСТРАЦИЯ ДУАЙТА ЭЙЗЕНХАУЭРА
И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА**

**«CONTAINMENT» VERSUS «ROLLBACK»:
DWIGHT EISENHOWER ADMINISTRATION
AND EASTERN EUROPE**

В статье рассматривается процесс возникновения доктрины «освобождения», ее использование в ходе предвыборной кампании в президенты США в 1952 году. На основе анализа процесса принятия решений в администрации Д. Эйзенхауэра автор показывает, что уже к середине 1953 года республиканская администрация пришла к пониманию того, что реальное воплощение доктрины «освобождения» применительно к странам Восточной Европы неминуемо приведет к всеобщей войне, что не отвечает национальным интересам США.

The process of the Rollback doctrine development and its influence on presidential campaign of 1952 is considered in the article. On the basis of the analysis of decision taking process in D. Eisenhower's administration the author points out that by mid-1953 the republican administration has understood that applying the Rollback doctrine to Eastern Europe would inevitably lead to the beginning of the third world war that didn't correspond with the American national interests.

Ключевые слова: «холодная война», США, доктрина «освобождения», Восточная Европа, Д. Эйзенхауэр.

Key words: Cold War, the USA Foreign Policy, "Rollback", Eastern Europe, D. Eisenhower.

В 1952 год, год президентских выборов, Соединенные Штаты вступали, как никогда ранее обращая внимание на внешнюю политику своей страны. Конечно, главной причиной тому была непрекращающаяся война в Корее. Однако события конца сороковых и начала пятидесятых годов в совокупности выводили внешнеполитические вопросы на авансцену внутриамериканской политики. События февраля 1948 года в Чехословакии и начавшаяся в июне этого же года блокада Западного Берлина советскими войсками дали возможность критикам демократической администрации хороший повод для того, чтобы поднять вопрос о возможности сотрудничества с «Советами» и опасности экспансии коммунизма в мире [12, р. 101–102].

Главные оппоненты демократов, представители республиканской партии, обвинив демократическую администрацию в ошибках, приведших к распространению коммунизма в мире и проникновению его на территорию Соединенных Штатов, попытались отвлечь внимание избирателей от имиджа рес-

публиканской партии как партии «Великой депрессии», на чем не безуспешно играли демократы последние годы. Тема внешней политики была единственным «полем», на котором республиканцы могли успешно противостоять демократам, даже несмотря на то, что многие видные представители республиканской партии, как, к примеру, главный эксперт партии в области внешней политики Джон Фостер Даллес, были непосредственно вовлечены в процесс принятия решений и их реализацию администрацией Г. Трумена [13, p. 153–215].

Кроме того, к 1952 году в самой республиканской партии произошли перемены, в результате которых партия отошла от поддержки внешнеполитической линии демократов и разорвала двухпартийный консенсус относительно поведения США на внешней арене. В 1950 году от дел отошел больной раком сенатор Артур Ванденберг, который, возглавляя сенатский комитет по иностранным делам, был главным сторонником двухпартийной внешней политики. Его уход привел к тому, что на первый план вышли фигуры сенатора Уильяма Тафта, который становится наиболее влиятельным республиканцем в Сенате, лидером республиканского меньшинства⁶ и сенатора Джозефа МакКарти.

Кроме этого, начинается постепенное сближение «изоляционистского» и «интервенционистского» крыльев в Республиканской партии. Индикаторами такого сближения явились книги сенатора У. Тафта и Джона Даллеса, главного эксперта республиканцев в области внешней политики, которые появились в свет одна за другой и были посвящены исключительно вопросам международных отношений и места США в них [3].

Выборы единого кандидата от республиканской партии и выработка платформы партии произошли на конвенте, который прошел в Чикаго с 6 по 10 июля 1952 года. На нем единым кандидатом от республиканской партии в президенты был выдвинут генерал Дуайт Эйзенхауэр.

Программа республиканской партии, принятая на конвенте, открывалась внешнеполитическим разделом, который в основном был посвящен взаимоотношениям с СССР и странами Восточной Европы, что однозначно указывало на ту роль, которую отводили республиканские стратеги политике «освобождения». Он был написан сенатором Еуджином Миликиным (Eugene Millikin) и Кларенсом Келланом (Clarence Kelland), людьми близкими к сенатору У. Тафту. Со стороны Д. Эйзенхауэра в работе над этой частью программы принял участие прилетевший в Чикаго 1 июля Дж. Ф. Даллес. Внешнеполитический раздел представлял собой среднюю линию между «изоляционистами», которые предлагали сконцентрироваться на наращивании ядерного оружия и сворачивать американское присутствие в мире и «интервенционалистами», считавшими необходимым продолжать проводить нынешнюю политику, но только более решительно и наступательно. В отношении Восточной Европы два «крыла» республиканской партии сошлись – необходимо резко усиливать информационную и идеологическую борьбу против идей коммунизма и создавать новый образ свободного мира, который изменит отношение людей к идеалам свободы и демократии. «Великая депрессия», с которой ассоциировался у всего человечества «свободный мир», должна быть забыта или заслонена новым притягательным образом нового динамично развивающегося общества, где каждый человек имеет возможность реализовать свой потенциал [12,

⁶ Именно в это время он получает прозвище «Мистер Республиканец», а после его смерти по предложению сенатора – демократа Джона Кеннеди он был назван в числе пяти наиболее выдающихся сенаторов и его портрет появился в Сенате, а монумент в центре Вашингтона.

р. 3282]. Республиканцы фактически провозгласили борьбу за души и умы людей во всем мире. Кроме того, красной линией через весь документ проходило убеждение республиканского истеблишмента о необходимости резко снижать государственные расходы.

1 сентября 1952 года Д. Эйзенхауэр и его штаб назначили датой начала активной предвыборной компании, которую пятизвездный генерал предполагал вести «напористо и энергично» [9, р. 54–55]. О методах, которыми республиканский кандидат собирается «освободить поработанные народы», в своем докладе на ежегодном собрании «Ассоциации политических наук» рассказал Дж. Ф. Даллес. В своей речи и особенно на пресс-конференции, собранной на следующий день, Дж. Даллес выделил три основных элемента этой политики: во-первых, США никогда не признают правомерность порабощения народов Советским Союзом, что, по мнению Дж. Даллеса, должно способствовать поднятию и укреплению веры и духа свободы поработанных народов. Во-вторых, резко активизировать работу радиостанции «Голос Америки», которая должна доносить идеалы свободы за «железный занавес» и укреплять веру людей в возможность противостоять коммунистической деспотии. И, в-третьих, используя возможности частных организаций, таких как «Комитет за Свободную Европу», возникшее движение сопротивления тоталитарному режиму будет снабжаться всем необходимым, посредством заброски по воздуху и иными каналами связи. Все эти факторы, по мнению будущего госсекретаря, в совокупности с неэффективностью самой тоталитарной коммунистической системы, приведут к резкому нарастанию трудностей внутри стран «железного занавеса» и, в конечном итоге, уходу СССР из Восточной Европы и освобождению этих стран в обозримом будущем [6].

Подобная риторика очень быстро привела к тому, что и демократы и особенно независимые обозреватели поставили вопрос о возможных последствиях таких действий. Демократы прямо обвиняли республиканцев в разжигании войны. Такие безответственные действия и заявления, по мнению Э. Стивенсона, кандидата на пост президента от демократической партии, приведут к появлению необоснованных надежд у народов Восточной Европы и возможным восстаниям. Восстания будут жестоко подавлены, а США не смогут помочь этим народам ничем, кроме как вступив в полномасштабную войну с СССР. Эта война будет вестись на территории Восточной Европы и будет ядерной. В ее горниле погибнут те народы, ради свободы которых, по мнению кандидата в президенты от демократической партии, республиканская администрация собиралась воевать [7, р. 52–53]. Президент Г. Трумен прямо заявил, что «попытка освобождения поработанных народов в настоящее время превратит их страны в поле ядерной битвы» [7, р. 53].

Д. Эйзенхауэр, по мнению официального биографа и одного из авторитетнейших исследователей президентства Д. Эйзенхауэра профессора Р. Дивайна, очень быстро почувствовал, что тема «освобождения» и «массированного возмездия» – это палка о двух концах, которая может ударить как демократов, так и республиканцев, нагнав на американского обывателя страха о возможности ядерной войны, которая неминуемо разразится, приди республиканский кандидат, к тому же военный, к власти. Поэтому уже в середине сентября Д. Эйзенхауэр фактически отстраняет Дж. Даллеса от подготовки внешнеполитических разделов своих речей и вводит в свой предвыборный штаб Чарльза Джексона и Эммета Хьюза, главной задачей которых становилось снизить накал внешнеполитической части выступлений республиканского кандидата, и желательно отвести критику от тех методов, которыми республиканцы собирались «освободить» Восточную Европу [7, р. 54].

Однако наилучшим решением внешнеполитической части предвыборной кампании, которая во многом предопределила безоговорочную победу Д. Эйзенхауэра на выборах, была речь, произнесенная генералом 24 октября в Денвере, в которой он обещал в случае своего выигрыша на президентский выборах поехать в Корею и на месте решить, как закончить эту войну. Речь, получившая в американской литературе название «Я поеду в Корею», уже не описывала способы освобождения народов от «коммунистического ига». Она, переключив внимание избирателей с судьбы восточноевропейских народов, которая не особенно интересовала простого избирателя, на тот вопрос, который не просто волновал, а вошел в дом многих американских семей похоронной бумагой. И авторы речи смогли использовать популярность Д. Эйзенхауэра в народе, его имидж героя войны, приведшего страну к победе, его опыт военачальника, который сможет на месте разобраться с тем, как покончить с почетом для США эту непопулярную войну [11].

Ноябрьские выборы принесли безоговорочную победу республиканскому кандидату Д. Эйзенхауэру. Он победил в 39 штатах, обойдя своего соперника более чем на 6,5 миллионов голосов избирателей. Таким образом, впервые после «Великой депрессии» республиканская партия после двадцатилетнего перерыва возвращалась к власти.

Отношения с СССР и странами Восточной Европы, естественно, стали одним из главных внешнеполитических приоритетов администрации Д. Эйзенхауэра с первых дней нахождения её у власти. Однако новоизбранный президент не ждал в ближайшем будущем существенных изменений в поведении советского руководства и намеревался строить свою политику в отношении СССР исходя из этого положения [4, р. 46–47].

Учитывая позицию влиятельных лидеров республиканцев в Конгрессе и сильную критику демократической администрации в период предвыборной кампании, президент Д. Эйзенхауэр был поставлен в определенные рамки. С одной стороны, его действия на внешней арене должны были отличаться от политики «сдерживания коммунизма», проводимой предыдущей администрацией, и быть более наступательными в отношении коммунистического блока. Это требовало совершенно новых подходов к политике, проводимой в отношении СССР и его союзников, и определённой корректировки отношений с союзниками США, в первую очередь в Европе. С другой стороны, новая администрация должна была закончить «на приемлемых» условиях для США войну в Корее, то есть договариваться с коммунистическим Китаем и СССР, и, во-вторых, американская внешняя политика должна стать менее затратной и не ложиться тяжелым бременем на американскую экономику и плечи налогоплательщиков.

Все имеющиеся наработки республиканской администрации относительно характера новой доктрины «освобождения» представляли только общетеоретические рассуждения. В первой половине 1953 года перед администрацией Д. Эйзенхауэра стал вопрос об их конкретном наполнении. И вот тут с совершенной очевидностью оказалось, что ничего конкретного администрация предложить не может. Понятие «освобождение» было пустым. К тому же администрация в связи со смертью Сталина и приходом к власти в СССР нового руководства практически сразу же столкнулась с необходимостью определения и выработки своего собственного подхода к новому, еще не известному Советскому Союзу. В свете предвыборных обещаний это означало, что нужно наполнять реальным содержимым политику «освобождения» и «отбрасывания коммунизма». События 16–17 июня в Берлине, когда произошло

первое крупное восстание против советской власти в Восточной Европе, показали, что администрация Д. Эйзенхауэра плывет по течению и по большей части реагирует на события, а не является активным игроком в отношениях с Кремлем [1].

Поэтому сразу после дискуссий о параметрах бюджета на 1954 год и обсуждения ответных мер и политики США в ответ на смерть Сталина в конце апреля 1953 года Дж. Даллес пригласил к себе домой своего заместителя Б. Смита, помощника президента по Совету Национальной безопасности (СНБ) Р. Кетлера и специального помощника президента по вопросам «холодной войны» Ч. Д. Джексона. Обрисовав им создавшуюся ситуацию, госсекретарь предложил поставить перед президентом вопрос о проработке целей и соответствующих им образа активных действий американской администрации в отношении советского блока. Дж. Даллес охарактеризовал три возможных направления работы. Первый сценарий – это продолжение политики «сдерживания» СССР. Второй – определение круга стран, которые ни при каких обстоятельствах не должны попасть под влияние коммунистов, проведение определенной черты, переступив которую СССР должен понимать, что Соединенные Штаты начнут полномасштабную войну. И, наконец, третий сценарий – политика «отбрасывания коммунизма», «освобождения» в первую очередь стран Восточной Европы [3, р. 29–31]. Встреча вышеперечисленных высших должностных лиц американской администрации с президентом произошла 8 мая 1953 года в солярии Белого дома. На ней было решено создать специальную группу для детальной проработки озвученных госсекретарем целей и конкретных действий США в отношении советского блока [3, р. 124]. По месту принятия решения данный проект получил название «Солярий».

Проект «Солярий» был первой крупномасштабной попыткой после начала «холодной войны» проанализировать различные варианты предлагаемых целей внешней политики Соединенных Штатов в отношении СССР и их последствия для США после реализации. Кроме того, впервые была предпринята попытка детально проработать конкретные шаги, которые должна предпринять администрация для достижения конкретного результата, и их стоимость. За основу работы над проектом были взяты те сценарии американской политики в отношении стран восточного блока, которые были предложены госсекретарем и одобрены президентом 8 мая за небольшим исключением [2].

Важнейшее обсуждение полученного после окончания работы проекта «Солярий» документа произошло на заседании СНБ 7 октября 1953 года. После того как Р. Кетлер обрисовал основные положения предложенного документа, он обозначил основные положения, по которым не были достигнуты договоренности. Причем, по мнению директора отдела политического планирования госдепартамента (ОПП) Р. Боуи, Р. Кетлер намеренно исказил позицию государственного департамента по основному принципиальному спорному моменту. По мнению специального помощника президента по национальной безопасности, все ведомства были согласны с необходимостью **оказывать на Советский Союз давление**, их позиции различались только **характером** такого давления. Государственный департамент и ЦРУ выступали против использования военной силы при проведении различных мероприятий, Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) и министерство обороны за её использование. В действительности, как считает Р. Боуи, позиция государственного департамента была совершенно четко прописана как в самом документе ОПП, так и еще раз подтверждена на совещании в госдепартаменте перед заседанием СНБ с участием госсекретаря, который полностью поддер-

жал эту позицию. По данному, ключевому для администрации, моменту госдепартамент считал, что в условии существования у Советского Союза термоядерной бомбы и средств её доставки давление с использованием вооруженных сил может привести к всеобщей войне с использованием всех средств, имеющихся на вооружении государств. И хотя в настоящее время Соединенные Штаты имеют преимущество в количестве ядерных средств, тот ущерб, который будет нанесен Соединенным Штатам, представляется совершенно неприемлемым. Давление, оказываемое на страны социализма, должно способствовать как внутренним изменениям в этих странах, так и подталкивать их к переговорам с Вашингтоном, но не вести к началу всеобщей войны.

Вот это положение

Р. Кетлер и упустил, что представлялось для госдепартамента совершенно недопустимым и затушевывало принципиальные противоречия между ведомствами и их подходами к внешней политике [3, р. 162].

Р. Боуи, который присутствовал на данном заседании без права голоса, вспоминал, что Дж. Даллес очень долго не участвовал в дискуссии. Даже президент Д. Эйзенхауэр иронично заметил, что поведение госсекретаря несколько необычное. Всегда именно госсекретарь говорит ему о проблемах внешнеполитического характера и способах их разрешения [3, р. 163]. То, что сказал госсекретарь, и те решения, которые были приняты президентом, определили линию поведения администрации в области внешней политики на два срока президентства Д. Эйзенхауэра. Фактически можно говорить о начале кардинального поворота всей американской внешнеполитической машины и мировоззрения. Этот поворот занял очень много времени. Однако именно осенью 1953 года администрация Д. Эйзенхауэра подошла к осознанию новых реалий мира и необходимости изменения своей внешнеполитической линии поведения. Госсекретарь переоценивал свою первоначальную позицию. Поэтому не случайно он довольно долго отмалчивался на заседании СНБ 7 октября. Ведь именно госсекретарь был одним из инициаторов разработки более агрессивной политики американской администрации, направленной на «отбрасывание коммунизма». Именно он был инициатором проекта «Солярий» и сформулировал варианты развития американской политики, отдавая предпочтение третьему более агрессивному варианту. Однако появление у Советского Союза значительного ядерного, а с августа 1953 после проведения испытания и термоядерного оружия и средств его доставки до территории США заставляли госсекретаря изменить свои взгляды. Дж. Даллес был единственным сотрудником СНБ, который вынужден был встать на защиту позиции государственного департамента. Госсекретарь в своей речи впервые признал ограниченность возможностей США влиять на Советский Союз и, соответственно, необходимость договариваться с Советским Союзом по спорным вопросам, в первую очередь, по вопросам разоружения. «Существует возможность достичь договоренностей с Советами относительно сокращения вооружений, но мы не можем **заставить их пойти на такие договоренности**» [9, р. 530]. Следующим очень важным изменением в его позиции явилась констатация факта, что в условиях ядерного противостояния возможность говорить с Советским Союзом с позиции силы неосуществима. Поэтому идея ОКНШ о достижении значительного военного преимущества над Советским Союзом и возможности с позиции силы навязать Советам американские условия представлялись Дж. Даллесу утопичной. «Мы не можем уменьшить разногласия с СССР по какому-либо вопросу, если будем ожидать, что все выгоды получим мы. **Соглашение должно удовлетворять обе стороны**, что предполагает

пересмотр администрацией такого подхода, который ведет к столкновению с Советами, ввиду обладания ими термоядерной бомбой. Если достижение двусторонних соглашений зависело бы от достижения превосходства для переговоров с позиции силы, нам никогда было не достичь договоренностей по Корее, Австрии и Германии» [9, р. 530].

Как это обычно проходило на подобных совещаниях, президент взял слово последним и фактически подвел черту под многими спорами. Президент принял решение оставить в документе фразу о возможности применения военной силы в качестве инструмента давления, но только после обсуждения этого вопроса на СНБ [9, р. 580–581]. Однако главным в решении СНБ было решение о необходимости идти на переговоры с Советским Союзом по спорным вопросам, оказывая на него давление, которое не будет провоцировать риск всеобщей войны [9, р. 531].

После данного заседания СНБ ОПП доработало документ с учетом решений выработанных на нем, и 30 октября президент подписал его как СНБ 162/2 «Основы политики национальной безопасности».

Этот документ, основные принципы и подходы которого были рождены проектом «Солярий», постулировал, что основная угроза безопасности США лежит в двух плоскостях. С одной стороны, это агрессивная политика СССР, с другой – чрезмерные траты на вооружения, которые могут подорвать экономику страны. Главная задача администрации, следовательно, заключалась в том, чтобы встретить советскую угрозу и не допустить чрезмерного разрастания военных расходов [9, р. 533–534]. Какой же образ действия предполагался?

СНБ 162/2 признавал, что смерть Сталина не привела к какому-либо существенному изменению в СССР и его влиянию на своих сателлитов. Поэтому «освобождение» какой-либо страны Восточной Европы возможно только в результате всеобщей ядерной войны с СССР, что противоречит национальным интересам США. Кроме того, Советский Союз в настоящее время имеет такие возможности доставки ядерного оружия к цели, которые позволяют ему сделать это с его собственной территории. Поэтому вывод советских войск из стран восточного блока не ослабит угрозу странам Западной Европы. В то же самое время, провоцирование недовольства советскими режимами в странах-сателлитах может вызвать усиление напряженности и спровоцировать всеобщую войну. **Поэтому идея «освобождения» и «отбрасывания коммунизма» теряет свою актуальность с военной точки зрения** (выделено автором). Поэтому, так как в настоящее время нельзя ожидать какого-либо изменения в стиле поведения советского руководства, делался вывод о том, что единственно возможной политикой, способной снизить угрозу всеобщей войны, является политика переговоров с СССР.

В то же время, администрация считала обязательным предпринять ряд шагов, которые изменят существующую ситуацию в более выгодную для Соединенных Штатов сторону. Во-первых, признавалась необходимость совершенно определенно дать понять Советскому Союзу, что Соединенные Штаты ответят на любые проявления советской агрессии, используя свои вооруженные силы, в том числе будет рассматриваться возможность применения и ядерного оружия, если в том возникнет необходимость. Во-вторых, СНБ 162/2 постулировало резкое увеличение и интенсификацию психологической, информационной войны против советского блока и усиление разведывательной и подрывной работы. Однако признавалось, что данное направление действий не должно вести к провоцированию войны с СССР [9, р. 577–597]. В

тоже время вопрос о соотношении и взаимовлиянии переговорного процесса и мер давления на СССР оставался открытым.

Таким образом, уже в конце первого года своего пребывания у власти администрация Дуайта Эйзенхауэра окончательно отбросила в реальной политике возможность применения политики «освобождения». Наличие у Советского Союза термоядерного оружия и средств его доставки преломило мировоззрение республиканской верхушки и сняло с повестки дня вопрос о возможности какого-либо военного столкновения с СССР. А возможность «освободить» страны Восточной Европы без такой войны представлялись республиканской администрации равными нулю.

Литература

1. Мирошников, С.Н. Восстание 16–17 июня 1953 года в Восточной Германии и его влияние на процесс формирования администрацией Д.Эйзенхауэра политики в отношении стран советского блока, январь 1953–февраль 1954 гг. [Текст] / С.Н. Мирошников // Вестник Томского Государственного университета. – 2010. – № 335. – С. 80–85.
2. Мирошников, С.Н. Проект «Солярий» [Текст] / С.Н. Мирошников // Вестник Томского Государственного университета. – 2009. – № 324. – С. 189.
3. Bose, Meena. Shaping and Signaling Presidential Policy. The National Security Decision Making of Eisenhower and Kennedy [Text] / M. Bose. – Texas A&M University Press: College Station. – 1998. – TX. – 200 p.
4. Bowie, Robert R. Waging Peace: How Eisenhower Shaped an Enduring Cold War Strategy [Text] / R. R. Bowie, R. H. Immerman. – Oxford University Press, 1998. – 326 p.
5. Dulles, D.F. War or Peace. New York: Macmillan [Text] / D.F. Dulles. – 1950. – 274 p.; Taft, Robert A. A Foreign Policy for Americans [Text] / R. A. Robert. – New York: Doubleday & Company, 1951. – 127 p.
6. Dulles, Gives. Plan to Free Red Lands [Text] / G. Dulles // New York Times. – August 28, 1952.
7. Divine, Robert A. Foreign Policy and U.S. Presidential Elections, 1952-1960. [Text] / R.A. Divine. – New York: New Viewpoints, 1974. – 359 p.
8. Eisenhower, Dwight D. Mandate for Change, 1953-1956 [Text] / D.D. Eisenhower. – Garden City, NY: Doubleday & Company, Inc., 1963. – 650 p.
9. Foreign Relations of the United States, 1952-1954 [Text] – Vol. II, National Security Affairs. Part 1. Wash.: Government Print Office, 1984. – 844 p.
10. Kovrig, Bennett. The Myth of Liberation. East-Central Europe in U.S. Diplomacy and Politics since 1941 [Text] / B. Kovrig // Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 1973. – 360 p.
11. Medhurst, Martin J. Text and Context in the 1952 Presidential Campaign: Eisenhower's «I Shall Go to Korea» Speech [Text] / M.J. Medhurst // Presidential Studies Quarterly. Volume: 30. – Issue: 3. – 2000. – 464–484 p.
12. History of American Presidential Elections, 1789-1968. Vol. IV. Ed. By Arthur M. Schlesinger, Jr. – New York: Chelsea House Publishers, 1971. – P. 2909-3959.
13. Toulouse, Mark G. The Transformation of John Foster Dulles [Text] / M. G. Toulouse. – New York: Basic Books. – 1985. – 280 p.